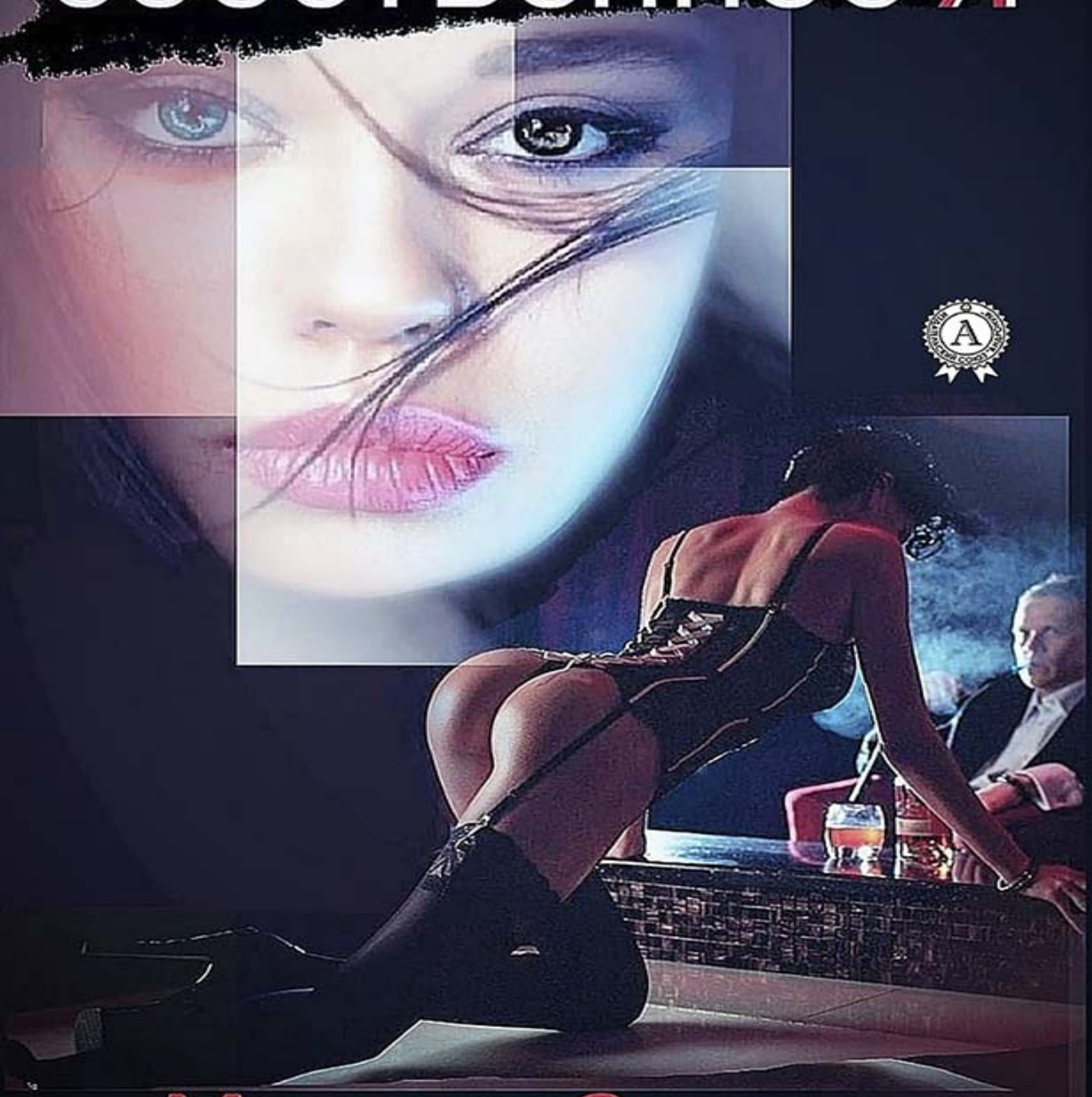
Я не знаю собственное Я



Марина Эргле

Марина Эргле

Я НЕ ЗНАЮ СОБСТВЕННОЕ Я

К ЧИТАТЕЛЮ…

Это самый ЖГУЧИЙ роман, с которым вы когда-либо сталкивались! От него даже обжигаются пальчики, настолько он ОГНЕННЫЙ! И да, сумасшедший на всю голову! Книга вывернет вас наизнанку и заставит пережить вместе с героями всё, что им довелось испытать! В некоторых моментах роман вынудит покраснеть и смутиться, где-то ужаснуться, а где-то растрогаться, расчувствоваться и задуматься о глубоком и важном.

Вас ждёт дьявольски закрученный сюжет с непредсказуемым интригующим финалом. Трэш начинается с первых же строк… Понравится тем, кто любит острое! Очень острое! Без воды, без мыла и «мочалок», только хардкор!

В книге содержится: #приключения, #любовь, #страсть, #секс, #ненависть, #ирония, #загадки, #убийства, чуточку #психологии и… лёгкий привкус #БДСМ… А может быть, и не совсем лёгкий, а может, и вовсе не привкус…

Приятного чтения!

С любовью, Марина Эргле.

СОДЕРЖАНИЕ

К ЧИТАТЕЛЮ...
ПРОЛОГ
ЧАСТЬ I
- ГЛАВА 1
- ГЛАВА 2
- ГЛАВА 3
- ГЛАВА 4
- ГЛАВА 5
- ГЛАВА 6
- ГЛАВА 7
- ГЛАВА 8
- ГЛАВА 9
- ГЛАВА 10
- ГЛАВА 11
- ГЛАВА 12
- ГЛАВА 13
- ГЛАВА 14
- ГЛАВА 15

ЧАСТЬ II
- ГЛАВА 1
- ГЛАВА 2
- ГЛАВА 3
- ГЛАВА 4
- ГЛАВА 5
- ГЛАВА 6
- ГЛАВА 7
- ГЛАВА 8
- ГЛАВА 9
- ГЛАВА 10
- ГЛАВА 11
- ГЛАВА 12
- ГЛАВА 13

ГЛАВА 14
ГЛАВА 15
ГЛАВА 16
ГЛАВА 17
ГЛАВА 18
ГЛАВА 19
ГЛАВА 20
ЭПИЛОГ

К ЧИТАТЕЛЮ…

Это самый ЖГУЧИЙ роман, с которым вы когда-либо сталкивались! От него даже обжигаются пальчики, настолько он ОГНЕННЫЙ! И да, сумасшедший на всю голову! Книга вывернет вас наизнанку и заставит пережить вместе с героями всё, что им довелось испытать! В некоторых моментах роман вынудит покраснеть и смутиться, где-то ужаснуться, а где-то растрогаться, расчувствоваться и задуматься о глубоком и важном.

Вас ждёт дьявольски закрученный сюжет с непредсказуемым интригующим финалом. Трэш начинается с первых же строк… Понравится тем, кто любит острое! Очень острое! Без воды, без мыла и «мочалок», только хардкор!

В книге содержится: #приключения, #любовь, #страсть, #секс, #ненависть, #ирония, #загадки, #убийства, чуточку #психологии и… лёгкий привкус #БДСМ… А может быть, и не совсем лёгкий, а может, и вовсе не привкус…

Приятного чтения!

С любовью, Марина Эргле.

ПРОЛОГ

Полумрак…

Негромкая музыка.

Легкий аромат сандала и дорогих сигар.

Я прикована наручниками к кровати в небольшой потайной комнате, озарённой лишь светом трёх небольших свечей.

Красные шёлковые простыни, которые так приятны моему разгорячённому обнажённому телу, словно ласкают меня, когда я делаю любое невинное движение.

Я жду…

Мои кисти жёстко скованы железными наручниками…

Я покусываю нижнюю губу в предвкушении и смотрю на мужчину затуманенным порочным взглядом своих полупрозрачных голубых глаз.

— У тебя особенные глаза, — шепчет он. — Не одевай больше никогда эти чёртовы линзы. Слышишь?! Я хочу видеть только настоящий цвет твоих глаз.

Я облизываю пересохшие губы и слегка киваю. Сейчас я согласна со всем.

У моего Дьявола карие, почти черные глаза, в которых как-то зловеще отражаются огни свечей, а его слегка взъерошенные волосы и тело Аполлона сводят меня с ума.

Я сгораю от предвкушения томительных ласк, которые будут чередоваться с легкой сладкой тягучей болью, грубостью и даже жестокостью… Мне ничего не остаётся делать, как отдаться этой мужской бескомпромиссной силе и быть покорной. Я не в силах с собой совладать.

БЕЗУМИЕ…

Это порочное больное желание заставляет меня забыть о том, что мой страстный искуситель — не кто иной, как СЫН МОЕГО ОТЦА… Приёмный сын, который занял по праву принадлежащее мне место. Ему досталось абсолютно всё… а мне… НИЧЕГО… Но он не знает, что я скоро это исправлю… И да, он даже не знает, кто я… Пока не знает.

Длинный выдох.

Взгляд глаза в глаза, и мой Дьявол демонстрирует коварную усмешку как часть своего неотразимого образа, затем опускается вниз ко мне, зная, что я не просто приму его ласки, что я жажду их принять, как и его самого. Полностью. Без остатка.

После искушённых сладких пыток мужчина добивается от меня голодных стонов и состояния, при котором я напрочь перестаю что-либо видеть и соображать.

Его грубость и то, что он делает со мной, выбивает из моего горла уже не стоны, а крики, и мне кажется, ещё немного — и он убьет меня. Вслед за этим странным ощущением я дохожу до какого-то удивительного пика наслаждения, где я словно разлетаюсь на тысячи мелких осколков, и меня уже не существует.

Я умерла…

В реальность меня возвращают легкий поцелуй и шепот.

Мой Дьявол шепчет мне на ухо что-то одновременно пошлое и нежное…

Не разобрать.

Я проваливаюсь в тягучий пленительный сон, засыпая на могучей груди своего мучителя. И мне хорошо и горько одновременно, потому что я знаю, что это было в последний раз…

ЧАСТЬ I

ГЛАВА 1

Я ни по каким канонам не походила на хорошую девочку. Скорее, наоборот. Росла жутким сорванцом! С самого рождения я боролась с жестоким миром за право на существование. Еще в детстве я страстно жаждала получить хоть чуточку материнской теплоты и ласки… Но всякий раз, получая холодный отпор, я училась подавлять свои чувства. Я перестала испытывать потребность в любви. Со временем я обросла льдом как защитной скорлупой, которая раз и навсегда спрятала моего маленького «внутреннего ребенка». Это было единственным спасением… Просто не чувствовать… Быть холодной и безразличной. Ко всем.

С возрастом эта защитная стена стала укрепляться, добавляя в мой характер колкость и стервозность.

В общении с людьми я искала только выгоду, которой чаще всего не было. Поэтому я оставалась эдакой одиночкой, держась особняком.

Одной проще. Одной легче.

Никто не залезет к тебе в душу и не воткнёт нож в спину, потому что ты будешь стоять лицом. Когда все «немножко враги», ты всегда начеку. А значит, впереди…

Единственный, кто мог перешагнуть эту черту «не влезай — убьет» — мой родной дядька.

Дядя Паша…

Он был дальнобойщиком, всегда находился в дороге, переправляя грузы на дальние расстояния. Его жизнь была интересной, насыщенной, в постоянных путешествиях, приключениях и опасностях, которые ненароком поджидали его в пути. Бывало, дядька брал меня с собой, окуная в водоворот совершенно другой жизни. Я посещала разные уголки страны, впитывая в себя всё, как губка. Я была жадной до эмоций и

приключений. Меня не пугала ни дальняя дорога, ни ночёвки в фургоне, ни ночная безлюдная трасса, по бокам которой царил только густой лес.

Дядька был проводником в другую жизнь. Где не было матери-алкоголички, серых скучных будней и бесконечных пустых скандалов с очередным приставучим отчимом.

Дядьку я уважала... и да, кажется, любила. Только его. Моё колючее, израненное сердце оттаивало, когда я видела родное улыбающееся лицо дядьки. Порой до безобразия небритое и измученное дальней дорогой.

— Ну что, Настюха, как жизнь? — всегда спрашивал он с насмешливой улыбкой.

Я не раздумывая с радостными воплями кидалась ему на шею.

Дядька крепко меня обнимал и доставал из сумки три очередные книги.

— Это тебе, — улыбался он, — предыдущие уже прочла?

— Спрашиваешь! Что же мне ещё здесь делать? Конечно, прочла!

Дядька считал, что книги — это лучший подарок. В особенности для меня, потому что другие подарки мать всегда находила и пропивала…

Дядька был мудрым и добрым.

Он относился ко мне как к дочери. Высокий, крепкого телосложения, с широкими, слегка сутулыми плечами и торчащим животиком, он казался мне эталоном мужественности и зрелости. И даже резкий запах дешёвого табака и пота нисколько не отталкивал меня. Дядю Пашу я считала своим отцом, наставником и единственным другом. Именно он научил меня сражаться с этим миром, давать отпор не только обижавшим меня сверстникам, но даже собственной родной матери.

Мы часто ходили на охоту в лес. Девочки играли в куклы, а я училась стрелять из ружья. Стрелять научилась метко. Сердце превращалось в камень, а детская, и без того сломленная психика, казалось, окончательно лишалась жалости и сострадания. После каждой охоты мы с дядькой складывали трофей в круг, зажигали костёр и проводили неведомый другим людям обряд на отпускание душ умерших животных.

— У каждого зверя есть дух, Настюха. Как и у нас, — объяснял дядька. — И если мы сейчас не попросим у них прощения, не объясним, зачем забрали их жизни, не поблагодарим… То их дух будет преследовать нас до конца дней. Неупокоенные духи отягощают сердце тяжелым грузом пролитой крови.

Моя мать считала дядьку сумасшедшим, «не от мира сего», а я, наоборот, верила, что он просто знает чуточку больше, и поэтому кажется странным для других, посредственных личностей. Но лучше быть странным непризнанным гением, чем слиться с серой безликой толпой и мыслить и жить так же, как все остальные. Мой дядька был необычным, с самым нестандартным мышлением, с которым я когда-либо сталкивалась. И за это я ценила его ещё больше. Он был свежим глотком воздуха, который спасал от серой действительности, вселял надежду и веру во что-то более глубокое и сокровенное.

Только дядька по-настоящему переживал за меня, видя, какой «красивой девахой» (с его слов) я расту. Поэтому он учил меня приемам самообороны.

— Смотри в глаза своему врагу, — твердил он, — и бей в пах! Бей в пах со всей силы!

Я всегда слушалась дядю Пашу, и поэтому некоторые мальчики в нашей деревне обходили меня стороной. Я была сильной и дерзкой, с ядовитым обжигающим языком и веющим холодком голубых проницательных глаз…

ГЛАВА 2

Опять поют эти дурацкие петухи. И почему я, чёрт возьми, должна вставать в такую рань?! На улице чуть светло. Дома мерзко холодно. Хочется ещё лежать и лежать под тёплым одеялом и послать этих коров к собачьим чертям.

— Чё лежишь?! — в комнате появилась мать.

В её зубах уже с раннего утра торчала сигарета, и она беспардонно выдыхала едкий дым прямо в мою маленькую комнатку.

Хотя какая это комната? Так… кладовка…

— Пошла вон! — зло закричала я. — Я же сказала не курить в моей спальне!

— Где хочу, там и курю! Это мой дом! А ты здесь просто содержанка! Не забывай об этом.

Да как тут забудешь, если при любой возможности мать всегда указывала мне на «моё место»?

— Давно бы уже на работу устроилась, нежели матери родной перечить, — более спокойным тоном добавила она. — И иди уже, корову дои, разлеглась тут.

Я нехотя потянулась и начала медленно вставать.

«Ну ничего-ничего, — подумала я, — осталось уже совсем немного… Скоро, совсем скоро я уеду в Москву и забуду эту чёртову дыру, которую мне приходится пока называть домом!».

В коровнике пахло навозов и сеном. Я на автопилоте сделала свою работу, легонько хлопнула корову Марьяну по заднице и направилась вниз, к ручью.

Скинув с себя всю одежду, я резко нырнула в воду.

Я никогда не проверяла температуру воды, прежде чем окунуться, никогда не заходила в ручей постепенно. Я не боялась холода, я любила острые ощущения… И в этом была вся я. Не только в ручей я

ныряла без раздумий, но и в жизнь… Без страха, сожалений и сомнений…

Вода была прохладной, чистой, освежающей.

Я огляделась по сторонам.

Радующая глаз зелёная трава, деревья и кустарники, слегка колыхавшиеся от небольшого ветерка, дарили лёгкое умиротворение… Которое вмиг испарилось, как только я заприметила на берегу одиноко стоявшего мужчину.

И надо было ему припереться сюда в такую рань и встать рядом с моей одеждой?! — разозлилась я.

Вот ведь конфуз…

Как-никак, я была абсолютно обнажена, а поблизости не было ни души.

Я решила ещё немного побарахтаться в воде в надежде, что незнакомец уйдет.

Но не тут-то было. Человек на берегу стоял как вкопанный и уходить никуда не собирался. Я уже стала откровенно замерзать, и мне ничего не оставалась делать, как подплыть ближе к берегу. Но чем ближе я приближалась к незнакомцу, тем больше мне казалось, что он вовсе не незнакомец…

Глеб…

«Не может быть… — мысленно присвистнула я и почувствовала ускоренное биение сердца. — Он вернулся…».

Чего ждать от нашей встречи — оставалось загадкой. Я боялась возвращения Глеба и даже надеялась, что он никогда больше не вернётся…

Набрав в лёгкие как можно больше воздуха, я решила подплыть ещё ближе. Всё равно встреча с Глебом была неизбежной. Интуитивно я понимала, что он пришёл сюда не для того, чтобы насладиться зрелищем, как утренние лучи солнца отражаются в воде. Мужчина ждал именно меня. Так чего тянуть?

— Привет, — с наигранной усмешкой произнесла я, не высовываясь из воды.

Глеб стоял передо мной с высоко поднятой головой, изменившийся, с огрубевшими чертами лица и похолодевшими зелёными глазами. От мальчишки с наивным чистым взглядом — не осталось и следа. От мужчины веяло силой, мужественностью… и пронизывающим до костей холодом… От которого мне сразу стало как-то не по себе.

— Подашь полотенце? — капризно попросила я, не дождавшись от него приветствия.

— А зачем? — Глеб приподнял одну бровь. — Раньше тебя нисколько не смущало выходить абсолютно обнажённой из воды и щеголять передо мной в чём мать родила.

Я фыркнула.

— То было раньше.

— А что изменилось?

— Всё изменилось!

Мужчина усмехнулся и молча протянул мне полотенце.

— Отвернись, — сухо проговорила я.

Глеб послушался.

Я быстро вытерлась и натянула платье.

— Всё. Можешь поворачиваться!

Мужчина развернулся и оценивающим взглядом осмотрел меня с ног до головы.

— А ты ещё больше похорошела… — задумчиво проговорил он.

К удивлению, я засмущалась.

Да что со мной? — вдруг разозлилась я. — Это же всего лишь Глеб!

Тот самый Глеб, который каждое утро дарил мне полевые ромашки и часами караулил возле крыльца.

Тот самый Глеб, который доставал меня своими глупыми любовными дифирамбами.

Это всего лишь Глеб…

Интересно, а влюблён ли он в меня сейчас?…

Я заглянула мужчине в глаза и встретилась с холодностью и суровостью.

Видимо, уже нет…

Наверняка война и тюрьма выжигает всякие чувства.

От этих мыслей мне вдруг стало как-то пусто и вместе с тем тоскливо.

С Глебом мы почти молча дошли до моего дома. Мне многое хотелось у него спросить, но разговор как-то не клеился. Я чувствовала неловкость за прошлое, а быть может, просто боялась этого нового незнакомого мне Глеба, над которым больше не пошутить… И да, я совершенно не понимала цели его визита, и это тоже придавало чувство нервозности!

Возле крыльца дома я тихо произнесла:

— Ты очень изменился, Глеб…

Мужчина смотрел мне в глаза, а я никак не могла понять, что несет в себе его взгляд, но по телу вновь прошелся холодок.

— Да, изменился. Романтика и прочая ерунда вылетела у меня из головы еще в первые месяцы службы в Сирии. У меня был выбор: либо свихнуться и погибнуть, либо принять суровые законы войны. Слабонервные, дохленькие и добренькие — гибли первыми. А мне хотелось вернуться.

Немного помолчав и посмотрев куда-то в землю, Глеб уставился на меня пронзительным взглядом холодных зелёных глаз и добавил:

— Мне ещё хотелось… увидеть тебя.

От этих слов и странного пугающего взгляда у меня резко перехватило дыхание. Сердце сжалось в тиски.

Повисло минутное молчание.

Я в мгновенном порыве прикоснулась ладонью к его груди, тут же ощутив горячий каменный торс. Я хотела

было что-то сказать, возможно, невнятное, но властная и сильная рука перехватила мою кисть, и я застыла в оцепенении.

— Не надо, — вдруг жестко сказал он.

— Глеб, прости меня… — сорвалось с моих губ.

— И этого тоже не надо, — мужчина покачал головой.

— Ты знаешь, тогда я… — мне хотелось оправдаться, но Глеб оборвал мою реплику.

— Мне не нужны объяснения.

— Почему ты вернулся? — я наконец задала волнующий меня вопрос.

— Моя мать вчера скончалась. Неужели ты не знаешь?

Только сейчас я вспомнила, что вчера вечером отчим обмолвился, что тётя Люся, болевшая какой-то непонятной хворью, наконец отмучилась, отправившись к праотцам. Но я так была погружена в мысли о предстоящей поездке в Москву, что безразлично пропустила эту новость мимо ушей.

Почувствовав безумную неловкость, я опустила вниз глаза.

— Извини… Я соболезную…

— Не стоит, — резко перебил меня он. — А ты нисколько не изменилась, Настя, — мужчина вдруг усмехнулся. — Всё такая же безразличная ко всем людям, кроме себя.

Я залилась алой краской, но тут же взяла себя в руки и жестко произнесла:

— Люди умирают каждый день. Твоя мать не была мне близка. С чего мне по ней горевать? — но осекшись, я сжала губы и тут же добавила, — Извини…

Глеб еще раз усмехнулся.

Я немного помолчала, смотря куда-то в землю. Но подумав о том, что мать Глеба скончалась только вчера, а он уже был в деревне ранним утром, я с удивлением спросила:

— А как ты так быстро приехал?

— Почувствовал, — немного помолчав, Глеб пояснил, — Война — это пограничное место между страной живых и мертвых. И со временем ты начинаешь чувствовать смерть… что свою, что чужую. Я знал, что мать неизлечимо больна. А то, что ее кончина совсем близка, ощутил пару дней назад. Я тут же взял отпуск и приехал.

— Глеб… — я хотела было что-то сказать, но мужчина вновь не дал мне этого сделать.

— До встречи… Настя, — попрощался он, но его последние слова почему-то прозвучали как угроза.

Глеб ушел.

Я вдруг села на ступеньки, чувствуя, как опять сжимается сердце и перебивает дыхание. Какое-то нехорошее предчувствие закралось в душу.

Тяжело вздохнув, я достала из-под полы спрятанную сигарету. Всмотревшись вдаль стеклянным взглядом, я погрузилась в воспоминания двухлетней давности…

* * *

Двумя годами ранее…

А вот и он — мой утренний поклонник… Хотя почему утренний? Глеб был моим постоянным и самым преданным поклонником без временных ограничений.

И этот парень был единственным, кто не обходил меня стороной…

Влюбленный с раннего детства, он таскался за мной по всей деревне с полевыми цветочками. Глебу было плевать на запреты родной матери, которая за спиной, а бывало, и в лицо называла меня оборванкой и дочерью шлюхи. Меня это безумно бесило, и в отместку я подбивала Глеба на разного рода приключения. Мы ходили по опасным болотистым местам, уходили далеко

в лес с ночёвкой и даже вместе пробовали курить. Но несмотря на столь странную дружбу, моё сердце оставалось ледяным и недоступным.

Юношеский возраст и разбушевавшиеся гормоны давали о себе знать, и параллельно Глеб клеил других деревенских девчат, которые отличались большей сговорчивостью, чем я. Иногда во мне просыпалась жгучая ревность, но я давила её в себе, осознавая, что это всего лишь чувство собственничества. Ведь мне не нужен был Глеб… По крайней мере, я себя в этом убеждала.

Конечно, для деревенского парня он был очень даже ничего… И я признавалась себе в том, что в его зелёных глазах есть какой-то особый магнетизм. И черт возьми, было бы глупо отрицать, что я иногда заглядывалась на его прокаченный торс, широкие плечи и лучезарную улыбку!

Но чем больше я обнаруживала к нему свой интерес, тем сильнее мне хотелось его оттолкнуть, обесценить и послать ко всем чертям.

Какой-то странный, неведомый страх заставлял меня быть колкой, как ёрш, и обороняться так, словно на меня нападали. Казалось, если сделаю шаг навстречу Глебу — потеряю себя и растворюсь в неведомых мне чувствах…

А этого я допустить не могла.

Да и вообще… на черта мне сдался этот деревенский мальчишка?

Ко всем своим так называемым землякам я испытывала лёгкое нескрываемое чувство отвращения.

Глеб, словно преданный пёс, сидел на краю берега и как заворожённый наблюдал за мной. А наблюдать было за чем. Абсолютно обнажённая, барахтаясь в воде, я делала вид, что совершенного его не замечаю. Мне нравилось его дразнить.

— Ну какая же ты красивая, Настя… — проговорил он, когда я медленно, совершенно не торопясь, стала выходить из воды, — Я принёс тебе цветы…

— Цветы? — поморщилась я, бесцеремонно вытираясь полотенцем и даже ни на грамм не смутившись своей наготы.

Пусть смотрит, мне не жалко.

— Глеб, да на кой черт мне эти цветы? Это даже не розы, — я сморщилась в лёгкой гримасе.

Наблюдая за тем, как я одеваюсь, Глеб впал в состояние транса и не смог ответить ничего вразумительного. Парень пришёл в себя только когда я наконец натянула своё легкое платье и в упор уставилась на него, уперев руки в бока.

— Мне бы пора брать с тебя деньги, Глебушка, за такие-то просмотры, — усмехнулась я. — А ты мне всё какие-то веники таскаешь.

— Настя, эти цветы я сам собирал… Для тебя, — обиделся он. — Я надеялся, что они тебе понравятся.

— Глеб, ты мне эти полевые цветочки с первого класса таскаешь. Ей-Богу, за это время можно и понять, что они мне ни хрена не сдались.

— Сука ты, Настя, — стиснув зубы, процедил Глеб.

— Ты только сейчас это понял?

Парень с яростью швырнул букет и уже хотел идти прочь, но я вдруг остановила его.

— Глеб, постой…

Он замер, и его глаза исполнились легким удивлением и вместе с тем надеждой.

— Ты хочешь меня? — неожиданно спросила я.

— Что? — такого прямого и вызывающего вопроса Глеб точно не ожидал. — Ты издеваешься надо мной?

— Я всего лишь задала вопрос.

— Настя, ты знаешь, как я к тебе отношусь…

Я заулыбалась.

По всем новомодным канонам я была совершенно отсталой от своих сверстниц, оставаясь девственницей в свои почти полные девятнадцать лет. Любопытство, гормоны и моя расчётливость сыграли странную комбинацию, соединившись в дурацкое предложение, которое сорвалось с губ, заставив Глеба впасть в ступор:

— Глеб, я могу провести с тобой ночь… За деньги.

— Что?… Ты с ума сошла?!

— Почему? Я долго думала и решила, что мне пора попробовать, что такое секс… — я пыталась быть как можно более непринуждённой, стараясь скрыть ощущение лёгкого укола стыда… или чувства вины? Что там обычно бывает у нормальных людей?

Я быстро смахнула с себя эти ненужные мысли.

— Ты… Ты просто дура, — сквозь зубы процедил Глеб и, сморщившись, словно от боли, тихо проговорил, — Я тебя боготворил! А оказывается, ты такая же шлюха, как твоя мать. Говорят же, яблоня от яблони…

Мои щеки вспыхнули словно от удара.

— Я не такая, как моя мать! — вскричала я.

— Ты хуже. Твоя мать хоть спит с мужиками не за деньги. А ты себя унизительно продаёшь, даже ещё ни разу не побыв с мужчиной. Хотя я глубоко сомневаюсь… что ты ещё ни с кем не была. Ты ещё та лгунья. И такая ты мне не нужна. Иди продавай себя кому-нибудь другому! Может, кто согласится…

Такого унижения я не испытывала еще никогда. Мое горло словно кто-то сжал, и я не смогла проронить ни слова. Вместо того чтобы защититься и поставить хама на место, я просто развернулась и кинулась прочь.

Больше всего я не хотела, чтобы Глеб видел мои слезы, которые предательски бежали по моим горячим щекам.

Добежав до дома, я как ураган проскочила мимо своей матери, курившей на крыльце. Она уже была пьяна и гаркнула мне вдогонку что-то несуразное. Я нисколько не обратила на неё внимание, закрылась в комнате, уткнулась головой в подушку и разрыдалась.

Глеб, сам того не подозревая, ткнул иголкой в самое болезненное место. Ничто не могло вывести меня настолько из себя, как сравнение с матерью-шлюхой. Эта была ахиллесова пята…

Чувство неумолимой боли, стыда и ненависти полыхали адским пламенем. Когда все слезы были выплаканы, я взяла себя в руки, подошла к зеркалу и заглянула себе в глаза. Они были налиты яростью и злобой.

Я вытерла щёки тыльной стороной ладони и ещё раз всмотрелось в своё лицо. В котором не читалось уже ничего, кроме хладнокровия и желания отомстить за болезненное унижение.

— Ну ничего, Глебушка… Ты у меня ещё попляшешь… — с ядовитой усмешкой проговорила я и окончательно успокоилась.

* * *

Мой День Рождения…

Мне девятнадцать.

За так называемым «праздничным» столом сидела уже пьяная мать, новоиспечённый отчим и мой обожаемый дядька, увлечённо лопающий варёную картошку, которую он искусно солил уже во рту. По окосевшим глазам матери было понятно, что самогонка шла хорошо. Видимо, новый отчим, который появился в нашем доме всего пару месяцев назад, готовил её на славу. Это единственное, что у него получалось. В остальном он был очередным «ленивым засранцем», как выразился дядя Паша. Отчим с утра до вечера валялся

на диване с бутылкой пива и переключал каналы телевизора, лениво поедая бутерброды. Он даже не стряхивал с себя крошки хлеба. Настоящая ленивая свинья. Когда матери не было дома, этот пропойца не упускал возможности ущипнуть меня за ягодицу. Но тут же получал по морде. Матери я об этом никогда не говорила — бесполезно. Мне, бывало, казалось, что мать ненавидит сам факт моего существования. И все, что было сказано мной, использовалось только против меня. Прям как в суде, только без адвоката. Так что я предпочитала помалкивать и справляться со своими проблемами сама.

Вот и сейчас настал такой момент.

Дядька с матерью вышли покурить на крыльцо, а отчим остался сидеть за столом. Он смотрел на меня жадным взглядом своих маленьких похотливых глаз.

— Настюха, Настюха… — слащаво пропел он. — Ну что, «целуй меня везде — девятнадцать мне уже»? — его пьяный бред вызывал во мне приступ отвращения и злости.

Я демонстративно сморщилась и промолчала.

— Ну так что, пора тебя везде целовать, Настюха? — не унимался он.

Я приблизилась к отчиму и томно шепнула ему в ухо:

— А не ты ли меня целовать-то собрался, старый пень?

— А почему бы и не я?

Я рассмеялась ядовитым смехом.

— Да потому что ты старый вонючий урод, каких ещё поискать! — зло прокричала я и встала из-за стола.

Я уже было хотела направиться к двери, но отчим резко одёрнул меня за руку и потянул к себе.

— Куда ты собралась?

— Подальше от тебя, чтобы не видеть твою мерзкую пьяную рожу!

— Нет уж! Я покажу тебе, кто в этом доме хозяин, дрянь…

Как только его рука полезла ко мне под юбку, я схватила железную вилку и со всего маха, на который была только способна, ткнула ей ему в ногу. Отчим тут же отшвырнул меня в сторону, вскочил и завизжал как одичавший зверь.

— Аааай! Сука!!!

На крик прибежала мать с дядькой.

— Сука!!! — продолжал кричать отчим, хватаясь за ногу, как если бы у него было боевое ранение. — Нина!!! Твоя дочь — сука! Ты посмотри, что она сделала!

— Ах ты дрянь! Ты что это творишь такое?! — возмущённо закричала мать полупьяным голосом.

— Не хрен было ко мне лезть… — сквозь зубы процедила я.

— Ты опять всё выдумываешь, маленькая изворотливая дрянь!!! — мать сразу полетела на меня с кулаками.

Я уже была готова обороняться, но дядька вовремя её остановил, отшвырнув в сторону как дворовую собачонку.

Мотнув мне головой на дверь, он дал понять, что сейчас лучше срочно убраться отсюда, пока он всё не уладит. Я такие намёки понимала сразу. Незаметно, взяв из маминой пачки одну сигарету, я вышла на крыльцо.

Меня встретила глубокая ночь.

Всё небо было усыпано яркими звёздами… Где-то в траве звонко пел сверчок.

Лёгкий летний ветерок ласково окутал тело, и я немного успокоилась.

Достав сигарету, я подкурила, сделала глубокую затяжку и выдохнула едкий дым в воздух.

Я всмотрелась в ночную мглу.

Вдруг мне почудился чей-то силуэт. Я напряглась, но не тронулась с места.

— Настя, это я. Глеб, — послышалось из-за кустов.

— Глеб? Что ты здесь делаешь?! — возмутилась я.

— Я… Настя… Я по поводу нашего разговора…

Фигура Глеба появилась передо мной в полный рост.

Парень был смущен, не смотрел мне в глаза и прятал руки в карманы.

— Я всё обдумал…

— Что ты обдумал?!

— Я согласен на твое предложение… — Глеб наконец поднял на меня свой взгляд. — Я тебя очень давно хочу и на многое готов пойти. Ты… ты ещё не передумала?

Ядовито усмехнувшись, я улыбалась.

А вот он и шанс отомстить… Сам пришёл. Отлично…

Как в шахматах я быстро накидала у себя в голове на несколько шагов вперед и мотнула головой.

— Нет. Не передумала.

— У меня есть деньги, — Глеб вновь уставился в землю.

— Сколько?

— Семьсот долларов…

Тут же прикинув, сколько это будет в рублях, я фыркнула:

— Этого мало…

— Больше нет. Я взял эти деньги из сейфа у родителей…

Я усмехнулась и потушила сигарету.

— Пойдём?… — неуверенно спросил Глеб и протянул свою ладонь.

Мы шли через лес по узкой хорошо знакомой тропинке. Глеб постоянно обо что-то спотыкался и, видимо, очень нервничал. Его выдавали влажные ладони и сбившаяся речь. Я, напротив, была холодна и

спокойна, или по крайней мере внешне мне удавалось сохранить это состояние.

Галантно открыв деревянную дверь своего ветхого дома, Глеб подождал, когда я войду, и закрыл её на ключ.

В зале был расстелен диван. На столике в пластиковой бутылке стояло домашнее красное вино, два фужера и свечи. Повсюду были свечи… Тоненькие, церковные. Они создавали впечатление какого-то жуткого сатанинского обряда.

— Мда… «красиво», — съязвила я.

— Хочешь вина? — предложил Глеб, не обратив внимания на мой сарказм.

— После местной самогонки пить вино? Ты издеваешься? Тащи что-нибудь покрепче, иначе я не вывезу этой церковно-сатанинской обстановки.

Глеб явно расстроился и даже не попытался это скрыть. Но недолго думая принёс бутылку коньяка.

Мы выпили.

Парень протянул мне небольшую красную коробочку, в которой оказалось маленькое аккуратное колечко.

— Это мне?

— Тебе.

— Золотое?

— Я бы не стал дарить другое… С Днем Рождения, Настя.

Я примерила кольцо, которое, к моему удивлению, отлично уселось на моем пальце.

Мы молчали.

Неловкое молчание слегка затянулось.

Тяжело вздохнув, Глеб достал из шкафа деньги и протянул их мне.

— Держи… — сказал он, поджав губы.

Я пересчитала сумму.

Глеб вдруг резко притянул меня к себе и провел своей большой горячей ладонью по изгибу моей шеи.

— Я буду нежным… — прошептал он мне в ухо и поцеловал.

— Нет, — довольно жестко сказала я и отстранилась. — Не хочу нежности. Хочу, чтобы все было грубо. Как в фильмах. Хочу, чтобы ты порвал на мне одежду и сильно схватил…

— Ты всегда была сумасшедшей, — произнес Глеб. — Но хочешь грубости — будет тебе грубость…

Парень повалил меня на диван и стал жарко и жадно целовать. Большие сильные руки тут же разорвали легкую ткань, обнажив мой лифчик и часть груди. Глеб уже мало соображал, охваченный страстью. Он походил на изголодавшегося зверя, готового поглотить меня целиком. Но у меня оставался холодный рассудок несмотря на то, что все тело дрожало, то ли от возбуждения, то ли от волнения…

— Укуси меня… — простонала я и почувствовала, как зубы Глеба впиваются в мою шею.

Когда уже было совсем близко к сексу, я ударила его между ног, отпихнула и вскочила с постели. Парень скорчился от боли и застонал, схватившись обеими руками за свое мужское достоинство.

— Больно? — ядовитым голосом спросила я. — Мне тоже было больно от твоих слов там, у ручья. А меня обижать нельзя! Каждого обидевшего — ждёт расплата! И чтобы мной овладеть, Глебушка, нужно быть как минимум мужчиной! А до мужчины тебе еще расти и расти. Я не сплю с сопляками. А за свои унизительные слова, брошенные мне там, на берегу, ты скоро ответишь. Теперь попробуй кому-нибудь докажи, что ты не пытался меня изнасиловать!

Сначала я засмеялась каким-то истерическим смехом, а потом завизжала так, чтобы услышали соседи, и кинулась из дома прочь.

— Настя! — вскричал Глеб, когда я уже захлопнула дверь его дома.

На мой крик вышла соседка, которую я чуть не сбила с ног, выбегая из калитки. Я закричала еще громче:

— Глеб пытался меня изнасиловать!

Баба Маня ахнула и прижала ладонь ко рту.

— Кошмар-то какой, батюшки! — запричитала она.

Не обращая на соседку особого внимания, я кинулась вдоль дороги. Я бежала прямо к нашему местному участковому.

— Что случилось? — нахмурившись, спросил Андрей Андреевич, увидев меня, зареванную, запыхавшуюся, да еще и в разодранной одежде.

— Мне нужно написать заявление… — пробормотала я, вытирая слезы.

Участковый тяжело вздохнул. Работать на ночь глядя ему очевидно не хотелось.

— Присаживайся… — устало сказал он, указав мне на стул, и не спеша достал листы бумаги с ручкой…

ГЛАВА 3

Настоящее время

Сидя на крыльце своего дома и делая очередную затяжку едкого сигаретного дыма, я вынырнула из своих воспоминаний, словно из глубокого тёмного колодца. Ладони вдруг стали влажными.

Мне вовсе не хотелось, чтобы Глеба тогда посадили в тюрьму. Совсем не хотелось! Тогда я была ослеплена жаждой мести… И эта дурацкая жажда затмевала рассудок, не позволяла отдавать отчёта своим импульсивным поступкам.

Раскаяние пришло не сразу…

Раскаяние пришло с осознанием всей серьезности того, что я натворила. Вместе с тем меня поглотила мучительная душевная боль и пустота, которая разъедала изнутри. Но было поздно… Признаться в том, что я оклеветала человека? Ну уж нет… Это означало только одно — подвести себя под статью. И моя далеко не сладкая жизнь превратилась бы в сущий ад.

А я этого не хотела… Нет!

Эгоизм взял верх.

Я оставила всё как есть, убеждая себя в том, что Глеб сам во всём виноват…

Заслужил.

Ведь заслужил?…

После того как прошло полгода, по деревне поползли странные слухи… Кто-то говорил, что Глеба отмазали от тюрьмы какие-то люди «сверху»… Они нуждались в крепких бойцах для неофициального войска.

Поначалу это казалось просто выдумкой, но мать Глеба вдруг стала хвастаться неожиданными денежными переводами от любимого сынули. Его

родители отремонтировали дом и даже купили машину, хоть и недорогую... Но всё же. Слухи стали иметь под собой реальную основу, а не просто слова. И в тот момент я даже вздохнула с облегчением. Если Глеб имел возможность перечислять родителям деньги, то значит, у него всё было не так плохо. Я надеялась на это. Со временем мучительные угрызения совести наконец стали отступать. Деревенский сброд тоже утихомирился, перестав тыкать в мою сторону пальцем. И кажется, я даже начала забывать эту историю…

Пока не столкнулась сегодня с Глебом на берегу.

С новым незнакомым мне Глебом…

Таким суровым и холодным…

По телу вновь поползли мурашки.

На крыльце вдруг появился дядя Паша.

Я тут же быстро потушила сигарету и спрятала бычок.

— Что, жених твой вернулся? — сощурив глаза, спросил он, закуривая папиросу. Видимо, он увидел нас с Глебом через окно.

— Скажешь тоже… жених, — хмыкнула я. — Это же Глеб. Он всегда будет для меня... деревенским мальчишкой.

— Ну на мальчишку он уже явно не похож…

— Что там мать с отчимом? Уже пьют? — я решила плавно соскочить с темы разговора.

— Опохмеляются.

— Ну понятно… Как обычно, — буркнула я и вошла в дом.

Мать с отчимом сидели в обнимку и припевали какую-то устарелую песню.

Я села на старое потёртое кресло, положила ноги на стул и бесцеремонно включила телевизор.

— Выключи эту дрянь! — тут же взревела пьяная мать.

— Телевизор лучше, чем ваши вопли слушать.